

АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

В Думе все как обычно. В пятницу депутаты попытались в очередной раз «наехать» на прессу, заодно «прижали» и Станислава Говорухина, который на вручении премии «Овация» обозвал парламент «сумасшедшим домом». Режиссер отделался легким испугом, пресса — глубоким разочарованием: столько задираются, а результат нулевой. В кулуарах бродит Явлинский. Экс-министр финансов Борис Федоров, беседуя с журналистами, сказал, что вернется в правительство только после того, как сможет прибить скальп Виктора Герасенко к себе на стенку. Впрочем, главный банкир цел и невредим. Выступая на заседании Думы, он, как и новый министр финансов Сергей Дубинин, потребовал строгого контроля за деятельностью предприятий. Скучно. Впрочем, депутаты, они разные. Кто-то работает языком, а кто-то — головой. Николай Николаевич Воронцов — парламентский долгожитель. Избирался и в союзный, и в оба российских. Сейчас — председатель подкомитета по науке Комитета по образованию, культуре и науке. Поэтому разговор у нас получился в основном

О НАУКЕ И ЧУТЬ-ЧУТЬ О ПОЛИТИКЕ

Н.Н.Воронцов.

— Николай Николаевич, вы много лет занимаетесь экологией. Почему сейчас вы вошли в комитет по науке?

— Я выстроил для себя некоторые приоритеты. Первым из них было спасение науки. Я боюсь, что спасение отечественной экологии хоть и важное дело, но это то, что в меньшей степени зависит от инициатив отдельных ученых, отдельных депутатов. Мы не сможем сейчас, в условиях энергетического кризиса, добиться закрытия экологически вредных электростанций. Что касается науки, то здесь можно сделать намного больше с помощью личной активности. Наука, культура — это то, что связано с преемственностью поколений. Здесь достаточно разрушить на короткий промежуток связь поколений, связь традиций, и можно потерять очень многое. Тем более, что в нашей истории эти связи нарушались уже неоднократно и на долгие годы.

— И что же, бесповоротно?

— Надо сказать, что разрушить связь дореволюционной науки с советской оказалось невозможно. Да, отправили пароход с философами, но в общем эмиграция русских ученых в двадцатые годы была достаточ-

но маленькой. Я родился в 34-м году, поэтому о науке двадцатых, тридцатых, а зачастую и сороковых годов имею представление по рассказам и воспоминаниям. Поступив в 1950 году в университет, я застал там профессоров, учившихся в дореволюционном университете, то есть людей, получивших нормальное среднее и высшее образование. Более того, часть этих профессоров, будучи аспирантами, побывала на стажировке за границей. Кстати, процесс зарубежных стажировок был прерван не революцией, а Первой мировой войной. Вот эти-то люди успели еще учить мое поколение. Следующих учили уже те, кто не закончил нормальной школы, прошедшие в университет через рабфак по комсомольской путевке. Несмотря на это, часть из них стала настоящими учеными, а часть занялась «общественной деятельностью».

— У кого что в генах заложено.

— И это, и многое другое. Немалую роль среда играет, нравственный климат. Я вспоминаю шестидесятые годы, когда мне приходилось часто бывать на общих собраниях Академии наук. Тогда были живы «старики»: Капица, Тамм, Леонтович, Ландау, Сахаров (хотя это нетипичный человек, он ученый уже другого поколения), Энгельгардт. Эти люди были своеобразным камертоном. Остальные члены Академии «настраивались» на них. Теперь, когда эти люди в большинстве своем ушли от нас, я не вижу им замены.

То, что наша наука находится в глубочайшем кризисе, несомненно. Началось это, однако, не сегодня. Начало было положено в 1929 году, когда были проведены выборы в Академию. И хотя были избраны такие ученые, как Николай Вавилов, уже чувствовалось сильнейшее давление партии, идеологии на академическую науку. Были избраны такие люди, как Бухарин, Луначарский, Осинский. Дело дошло до того, что через десять лет академиком был избран Трофим Лысенко, а Кольцов, Берг, Завадовский остались за бортом Академии по чисто политическим причинам. В философии на смену Бухарину при-

шли Митин, Юдин, авторы «Краткого курса ВКП(б)» и биографии Сталина. Несмотря на такой жесточайший прессинг, все равно существовали здоровые силы, традиции. В геологии были такие ученые, как Обручев, работал химик Зелинский, членом Академии был Вернадский. Только благодаря этим людям работа продолжалась и Академия существовала.

С другой стороны, все больше и больше было влияние отдела науки ЦК, обкомов, крайкомов в том, что касалось избрания или неизбрания в члены Академии наук. Все это и привело к полному моральному кризису. Поэтому, когда сняли пресс, выяснилось, насколько трудно что-то исправить. Показательней всего в этом отношении выборы 1988 года. Был выдвинут наш великий философ Александр Федорович Лосев. Что мешало академикам-философам избрать его? Ну ладно, раньше не давали, но сейчас-то! Хотя бы для того, чтобы чувствовать себя равными с ним. Дескать, он такой же академик, как и мы. Вы знаете, сколько человек в отделении философии головало за избрание Лосева академиком? Один...

Это глубочайший кризис, и сводить его только к уменьшению дотаций в нашу науку совершенно неправильно. Да, наука находится в тяжелейшем финансовом положении, но она также находится в тягчайшем нравственном кризисе.

— Неужели ситуация так безнадежна?

— Есть и положительные тенденции. Мы все время обеспокоены утечкой мозгов. С другой стороны, множество ученых получили возможность ездить за границу, читать там лекции, приглашать с собой молодежь. Те, кто хочет, могут возвращаться. Появилась реальная возможность для проведения совместных исследований. Естественно, эти возможности недостаточно велики, всех достойных, увы, не прокормить.

Еще одна тенденция. В России появляются новые журналы. Это просто замечательно! Я назову только часть новых изданий в области биологии. В Петербурге вышли уже два номе-

ра «Зоосистематика Россия». Это журнал, посвященный систематике животных, сделанный целиком на английском языке. Имеются подписчики, издание распространяется по всему миру и по нашей стране, но самое замечательное, что журнал этот создан «снизу». Есть инициативная редколлегия, обошлись без указаний отдела науки ЦК. В 1947 году было прекращено издание двуязычного журнала «Доклады Академии наук». До этого времени доклады печатались на двух языках, и достижения отечественной науки становились доступными всему миру. Восстановить это двуязычное издание Академия наук так и не смогла. А сейчас издается и «Российский орнитологический журнал», в котором часть статей печатается на русском, часть — на английском языках, журнал «Маллакология», где печатаются труды о моллюсках, в Петербурге издается паразитологический журнал. И это далеко не все. Нельзя не отметить работу новосибирских археологов во главе с академиком Деревянко. Они организовали серию ежегодных экспедиционных исследований на территории России и сопредельных государств. Люди ищут выходы, и во многих случаях находят их. Огромную роль здесь играет международная помощь. В первую очередь я бы отметил работу фонда Джорджа Сороса.

— Это действительно реальная помощь?

— Безусловно. Я сам являюсь распорядителем первого и, наверное, самого маленького из фондов, учрежденных Соросом, — фонда биоразнообразия. Мы получили два миллиона долларов. На сегодняшний день распределен первый миллион: присуждены четыре тысячи стипендий ботаникам, зоологам, специалистам по заповедникам. География распределения этих стипендий удивительно велика. Так, например, четыре стипендии получили ученые с острова Врангеля. Это очень важно. Там не подзаработаешь, ларек не откроешь. Один стипендиат с Командорских островов. Я уже не говорю о Магадане, Дербенте, Владивостоке, Хабаровске.

— Вернемся к Думе. Может быть, вы не захотели войти в комитет по экологии из-за того, что во главе его стоит Михаил Лемешев — депутат от ЛДПР?

— В Комитет по экологии я не пошел не из-за присутствия в нем Лемешева как личности. Я знаю его давно как человека, интересующегося экономикой природопользования и патриота охраны природы, но для меня неприемлемо работать под началом человека, который решил избираться по списку партии нефашистского толка. Неприемлемо просто по моральным причинам.

Я являюсь председателем межпарламентского комитета «Глоб — Россия», это дает мне возможность принимать активное участие в международной и внутренней деятельности на добровольной основе. В этом комитете представлены парламентарии от разных партий. От прошлого состава российского парламента, кроме меня, там еще коммунист Виталий Севастьянов и член «Выбора России» Анатолий Шабад. Мы, кстати, по всем вопросам всегда находили общий язык. Так, неделю назад наш комитет выступил в защиту Вила Мирзаянова.

— Неужели Севастьянов поддержал это обращение?

— По крайней мере, не выступил против.

— Так, значит, у вас может появиться и «жириновец» Лемешев?

— У нас строгий ценз на знание языка. Вся работа ведется на английском.

— Вы председатель подкомитета по науке. Сможет ли ваш подкомитет в нынешних условиях работать и приносить какую-то пользу этой самой науке?

— Почему бы нет? Я думаю, что самая главная функция нашего подкомитета — не создание новых законов (хотя и этим нужно, безусловно, заниматься), а организация парламентских слушаний. Привлечь внимание к той или иной проблеме — наша задача. И здесь мы можем сделать очень многое. Причем необходимо привлекать внимание не только научной общественности, на которую мы, естественно, опираемся, но и исполнительных структур общества. В этой связи я вспоминаю свою работу в первом советском парламенте, где я был членом Комитета по науке, культуре, образованию и воспитанию, которым руководил академик Рыжов. Комитет был, конечно, высочайшего класса. Уровень его участников был необычайно высок. Мы рассмотрели проект закона об отмене указов президиума Верховного совета СССР о лишении гражданства деятелей литературы, науки и искусства в доперестроечный период. Так вот, наш комитет, в состав которого входили как ученые с мировым именем, так и сельские учительницы, принял этот проект единогласно. Закона этого не вышло, отделались персональными милостивыми восстановлениями в гражданстве, но проект был принят на комитете, информация об этом прошла в газетах, и это существенно повлияло на общее настроение. Примерно тогда же Юрий Алексеевич Рыжов разработал концепцию того, что же из себя представляет национальная и государственная безопасность, которая всегда сводилась к внешней и внутренней разведке. Оказывается, существует, например, и экологическая безопасность. Есть вещи, которые кажутся очевидными сейчас, но тогда...

— Вы были депутатом трех последних парламентов. Какой из них был лучше, работоспособнее?

— Работоспособнее и лучше, оказывается, разные вещи. Самым ярким был первый союзный съезд, несмотря на то, что в нем было и «агрессивно послушное большинство». Система выборов по куриям, предложенная Горбачевым, которая казалась явно недемократической, тем не менее давала возможность привлечь исключительно высокие интеллектуальные силы. Кроме того, в обществе в это время происходил своеобразный духовный всплеск, когда многие люди решили пожертвовать своим временем... Я думаю, что Элема Климова, Родиона Щедрина, Марка Захарова многие партии почтили бы за честь видеть в своем списке. Тогда они пошли на это. Сегодня — нет.

Российский съезд был парламентом второго сорта. Я никогда не пошел бы в него, если бы из-за своего поста министра экологии СССР не лишился парламентского мандата, а вместе с ним возможности высказывать открыто свое мнение по проблемам, не касающимся экологии.

С другой стороны, если в первом парламенте межрегиональная группа насчитывала 200 человек — 10% от общего числа депутатов, во втором нас, людей с демократическими убеждениями, было около 20%, а сейчас процентов 30 наберется. Не все, значит, потеряно. Здесь, несомненно, больше ярких личностей.

Интервью взял
МИХАИЛ ГОХМАН

Москва